

УВЛЕКАТЕЛЬНОЙ РОМАНА

“Моя жизнь сложилась так, что все личное, самое дорогое, сосредоточилось в работе. И даже материнское чувство, которого не дано мне было... испытать, воплотилось в моей любви к четвероногим питомцам”.

И.БУГРИМОВА

“На арене и вокруг нее”

Мемуаристика - бесспорно, один из самых занимательных жанров литературы. Новая книга Ирины Бугримовой тут не исключение. Книга выходит в издательстве “Искусство” второй раз, первое издание увидело свет в 1986 году.

Можно смело утверждать, что книга удалась. Повествование летит стремительно и увлекает. Непридуманности и сусальности. Автор - человек живой, сложный, спорный. Цирковой артист - не профессиональный литератор, а профессиональный литератор, автор литературной записи, - не романист, а потому образ “от первого лица” кажется мне непридуманным, истинным образом Ирины Бугримовой. “Мы, - пишет она, - люди, со своими достоинствами и недостатками, со свои-

ми сложностями, подчас очень непростыми характерами. Я хочу, чтобы рассказ мой был правдив, чтобы цирковая жизнь предстала такой, какая она есть на самом деле”.

И действительно, автору книги удалось, тактично избегав мелочности в оценке лиц и событий, создать картину, удовлетворяющую чувству правды, живущему в каждом читателе.

Путь на манеж начался для Бугримовой в тридцатые годы. И, признаться, сначала удивило, а потом и восхитило полное отсутствие болезненного и черного, что окрашивало эти годы нашей истории и что уже порядком приелось в публикациях последних лет. Цирк Ирины Бугримовой ждал не ожиданием ночных арестов, не замиранием от звука тормозов. Он жил молодым “киношным” энтузиазмом тридцатых - силой, задором, юношескими амбициями. Это немножко сказочный цирк. Таким он и должен быть; да таким он, видимо, и был: потным, трудолюбивым, легкомысленным. И в этом - тоже чувство времени, торжества единственного искусства, которому на пользу тоталитаризм.

Бугримовой свойственен очень острый и цепкий взгляд. Она рассказывает о своих зарубежных впечатлениях так, что хочется побывать в тех же местах и непременно вместе с нею; о людях цирка - так, что хочется с ними подружиться. Она (что почти уникально!) цитирует восторженные журнальные отклики не о своей работе, а о работе другого дрессировщика - Бориса Бирюкова, ее ученика и преемника. Она, насколько это вообще возможно, объективно смотрит на себя и не стесняется говорить о том, какими средствами ей удавалось быть на манеже неизменно очаровательной.

В книге Бугримовой сквозит непоказной и очень уместный юмор. Так, рассказывая о льве Таймуре, выступать с которым становилось все опаснее для дрессировщицы, Бугримова пишет: “Подниматься с ним на качелях в воздух становилось очень рискованно. Но отказаться от эффектного трюка я не хотела, не позволяла мое профессиональная гордость. Правда, Таймур ничего про эту гордость не знал. У него были свои ощущения”. Легкая усмешка, самоирония, сопутствующая многим страницам книги, очень украшает ее.

Отдельная тема - отношения с животными. В рассуждениях и воспоминаниях дрессировщицы нет сюсюкающей сентиментальности, нет и “суперменства” железной женщины. Животные для Бугримовой - не до конца разгаданная загадка, вечный сюрприз - далеко не всегда приятный. Она не дует на напавшего хищника: “Я ж тебя растила!”, не злится, но ищет причину, пытается посмотреть на ситуацию глазами льва, ни в коей мере при этом не очеловечивая животное. Если хотите, она признает право хищника быть таковым. Для абсолютного большинства читателей подобное отношение питомца к хозяину дико. Это привязанность и даже любовь - но на грани вражды, но с угрозой совершенно нешуточной опасности. Бугримова подчеркивает: хищники - да еще работающие в группе - далеко не то же самое, что ручные животные. Был у нее и ручной лев - Демон. Действительно ручной, - с ним можно гулять на поводке, брать с собой в гримерную, он позволяет погладить себя даже постороннему. Но на манеже с ним невозможно работать: лев ревнив, эгоцентричен, он - вечная помеха дрессировщице.

Бугримова не оставляет иллюзий ни на свой счет, ни на счет дела, которому отдала жизнь. Совсем не рисуясь, она упоминает эпизоды, когда дустяк вроде брошенной на

барьер манежа детской шубки мог стоить человеческой жизни. Она хорошо знает, как непривлекательно выглядит дрессировщик, поднимающий железные вилы, чтобы спасти себя от внезапного нападения львов.

“У нас много и охотно пишут о гуманной дрессировке, понимая под этим идеалистические отношения между животными и дрессировщиком, - замечает Бугримова. - Стоит дрессировщику дать зверю лакомство, ласково поговорить с ним, проявить терпение - и зверь все понял, проникся доверием к человеку. Не дай Бог поднять хлыст! Ужас какой!.. Вот подобная чепуха... преподносится как гуманная дрессировка. Между тем... хищник остается хищником, как бы ни были приглашены его инстинкты. Он должен чувствовать силу человека - и силу его духа, и силу его руки. Должен, если так можно сказать, понять, что от человека не надо ждать беды, коварства, но знать, что человек сильнее! ... Такт дрессировщика состоит в том, чтобы найти меру, чтобы зря не наказывать, чтобы уловить, где виноват ты, а где - животное. Но с одним пряником, как бы ты ни любил животных, у тебя ничего не получится. Это как с ребенком”.

И еще: “Я никогда не злоупотребляла своей властью. Возвысить человека не и унижить животное - вот был...принцип, коему следовала я до последнего дня на манеже”.

Второе издание книги полнее, иллюстрации чередуются с текстом, фотоматериала значительно больше. И все же первое издание внешне выглядит более привлекательным: строгая обложка, черно-белые фотографии, по качеству ни в какое сравнение не идущие с цветными иллюстрациями новой книги. Цветное фото - вечная беда отечественных изданий. Правда, новая книга более нарядная - “подарочная”, в ней больше дешевой помпезности. Но текст хорош сам по себе, а потому есть надежда, что в следующий раз его издадут с большим полиграфическим вкусом.

Книга эта довольно объемистая. Наверное, совладать с такой рукописью артистке и даже литератору затруднительно. Но существует институт редактуры, в задачу которого входит помочь авторам, указать на недочеты и стилистические огрехи. Редактировали и эту книгу. И все же из первого издания во второе перекочевали несколько корявых фраз и даже откровенные ляпы типа: “Я ощутила...горечь утраты очень мне дорогого. Не хотелось сейчас никого видеть, а тем более - есть”. Знаете, прочтя эту фразу, я как-то захотела съесть редактора. Очень обидно в хорошем тексте сталкиваться с подобными вещами.

Сорок пять лет на манеже. Почти сорок лет в клетке с хищниками... Ирине Бугримовой принадлежит своеобразная философия цирка: “Номера в цирке демонстрируются годами и создаются, в сущности, годами, если принимать в расчет тот окончательный вид, который удовлетворяет мастера. Удовлетворяет вообще. Потому что шифровка продолжается столько, сколько существует номер. Это ведь только кажется, что артист исполняет несколько лет одно и то же. На самом деле в номере постоянно что-то меняется. Главным режиссером выступает публика - тонкий барометр творческого состояния номера.”

Этой цитатой мне хочется закончить свою заметку. Надеюсь, книга Ирины Бугримовой заинтересует читателей “Арены”.

И.ВЛАДИМИРОВА